

"Вне всякого сомнения, единственный человек, знающий, где сгнили останки последнего русского царя Николая II, Яков (Юровский) показал мне это место в 1920 году. И я сделал по-том зарубки на корнях березы, чтобы отметка сохранилась и в том случае, если березу срубят. В 1928 году благодаря этим знакам я нашел это место и показал его Владимиру Маяковскому, что он и описал в своем стихотворении "Император"¹.

И в самом деле, строки стихотворения, пародирующие "Воздушный корабль" Лермонтова ("На острове том есть могила, А в ней император зарыт"), казалось бы, указывают на некое конкретное место: "У корня, под кедром, дорога, А в ней - император зарыт".

Однако можно ли с таким безусловным доверием относиться к конкретике ("За Исетью", "На девятой версте" и т.п.) стихотворного текста? Даже при всей увлеченности Маяковского того периода лфвовским принципом "фактографичности", в данном случае, думается, речь может идти не столько о правде реального события, сколько о правде поэтической, т.е. той, которая не обязательно может служить в качестве объективного свидетельства. Сказанное подтверждается анализом некоторых других стихотворений, изданных поэтом в то же время. Конкретных реалий также помогает "оживить" обобщенный поэтический образ. Однако было бы наивно искать "визовца" Козырева, руководствуясь текстом "Рассказов литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру". Последнему свидетельством безуспешный - в смысле нахождения прототипа - поиск, проведенный покойным А.Р.Пудвалем².

О.В.Зырянов

БОГ В ПОЭЗИИ А.А.ФЕТА

Несколько лет тому назад на страницах "Вестника русского христианского движения" разгорелась примечательная

¹ *Дориа де Дзулани М.* Царская семья: последний акт трагедии. М., 1991. С.180.

² См.: *Пудваль А.Р.* В поисках Ивана Козырева//Поиск: Рассказы литературного следопыта. Свердловск, 1974. С.65-87.

полемика по поводу того, был ли Фет атеистом. Как показала дискуссия, дать однозначный и исчерпывающий ответ на поставленный вопрос не представляется возможным. И связано это в первую очередь с почти фатальным раздвоением Фета как творческой личности: с одной стороны, реальное физическое лицо, хозяйственник и утилитарист, "непреклонный атеист" в жизни, а с другой - "внутренний человек", идеалист и созерцатель, автор величайших образцов русской религиозной лирики. Поэтому необходимо сразу же оговорить, что цель нашего исследования - не выявление основ мировоззрения, тем более конфессионального сознания Фета (вопрос "Был ли Фет атеистом?" в этом плане совсем не филологическая проблема). Наша задача - рассмотреть лики Божества в поэзии Фета, определить выраженные в ней параметры религиозного чувства.

К началу 1840-х годов относится лирический цикл Фета, который по его обращенности к сакральному образу Божьей Матери можно было бы назвать Богородичным: сонеты "Владычица Сиона", "Мадонна", переложение католической молитвы "Ave Maria", "Ночь тиха. По тверди зыбкой..." (включение образа Девы Марии в более широкую рождественскую тему), а также заключительный сонет "К Сикстинской Мадонне" (1864). В цикле ощутима ориентация на жанр лермонтовской молитвы, обращенной к иконе Божьей Матери ("Я, Матерь Божия, ныне с молитвою..."), опора на пушкинскую традицию (сонет "Мадонна") и одновременно полемика с ней: в отличие от Пушкина Фет не профанирует божественную красоту, последовательно проводит принцип восхождения от земли на небо - в этом смысле его религиозное чувство более правомерно и ортодоксально.

Контекст религиозной лирики Фета 1840 - 1860-х годов достаточно широк, и объяснить его только уступкою поэта редактору "Москвитянина", профессору Московского университета С.П.Шевыреву (как это предлагает Б.Бухштаб), вряд ли убедительно, тем более что следует принять во внимание не только лирику, в которой прямо представлены религиозные темы и сакральные образы ("Горы. Ода", "Видение", "Мой ангел", "Последнее слово", "Когда у райских врат изгнанник..." и др.), но и такие стихи, в которых выражаются глубоко религиозные чувства, особенно личные переживания молитвенного состояния души, то, что можно было бы на-

звать "христианским лиризмом" ("Как ангел неба безмятежный...", "Опять я затеплю лампаду...", "Не первый год у этих мест...").

Так, атмосфера "молитвы и сладкой тишины", окружающая образ Девы Марии в "Богородичном" цикле, "заряжает и стихотворения другого цикла "К Офелии". "И тихим даришь сновиденьем,/ Мой гений, мой друг" - эти слова Гамлета, лирического героя цикла, - прямая реминисценция из "Ave Maria" (ср. "Неба царица, не в блеске лучей,/ В тихом предстань сновидении ей!"). Отблеск рождественской звезды, озаряющей лик Девы Марии в стихотворении "Ночь тиха. По тверди зыбкой...", может быть прослежен и в стихотворении "Ночь. Не слышно шума городского..." (1843). За традицией лермонтовского пятистопного хоря "Выхожу один я на дорогу..." у Фета просматривается тема пути, обретения духовной гармонии, устройства внутреннего мира души в свете христианского идеала. Излюбленный поэтом мотив тишины углубляется до мистического чувства духовного покоя (ср. "Тихо все, покойно, как и прежде;/ Но рукой незримой снят покров/ Темной грусти. Вере и надежде/ Грудь раскрыла, может быть, любовь?"). Последние строчки находят подтверждение в словах св. апостола Павла: "А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше". Примечательно, что в отличие от Лермонтова Фет заканчивает стихотворение идеей восхождения от земли на небо, а не возвращением к долу, благодарностью Творцу, а не чувственно-блаженной утлой.

Образ Богородицы выводит Фета к глубоко интимному переживанию образа Христа. В этом плане показательным стихотворением "Когда Божественный бежал людских речей..." (1874) - обращение к евангельскому сюжету об искушении Христа "на горе" (Матф.4, 1-11), предвосхищающее позднейшие разработки этого эпизода у Ф.М.Достоевского и В.С.Соловьева. Характерно, что главное искушение, которому Сатана подвергает Христа, состоит, по Фету, в следующем: "Сдержи на миг порыв духовный". В письме к Л.Толстому (19 февраля 1879 года) Фет признавался: "Какое же у меня представление личного (очевидно) божества? Никакого". Тем не менее в своем стихотворении он открыто поставил метафизический вопрос о духовной природе человека, связав его с основным заветом священного писания.

Фет даже дерзнул переложить в стихах молитву Иисуса Христа "Отче наш...", тем самым подключившись к известной традиции, идущей еще от А.Сумарокова и В.К.Кюхельбекера, а также от пушкинского переложения молитвы Ефрема Сирина. Нельзя не подивиться удивительной силе и точности его переложения. Начинается оно, как и у Пушкина, со своеобразного лирического зачина, передающего отношение поэта к молитве (здесь особо следует отметить фетовский мотив "озарения", генетически восходящий к рождественской теме: "...не было от века Слов, озаряющих светлест человека"). Далее идут обязательное призывание и семь прошений, находящие прямое соответствие в тексте молитвы. Единственное отступление от молитвенного канона - отсутствие конечного славословия (правда, в этом Фет мог следовать за пушкинским опытом переложения). Заслуживает внимания передача четвертого прошения "Хлеб наш насущный дай нам днесь", который у Фета приобретает следующий вид: "Пошли и ныне хлеб обычный от трудов". В этом переводе сказалась глубоко индивидуальная личность Фета, его представления о земном человеческом существовании: <<"Земля-кормилица скупа, как жид." В поте лица твоего снеси хлеб твой", - сказано на пороге потерянного рая, где ничего не делали, а только созерцали идеал">> (письмо Фета к Л.Толстому 17 июня 1879 года).

Не исповедуя личного, персонального Бога, будучи обреченным в этом вопросе на "субъективное одиночество", Фет тем не менее, как показывает его поэзия, вплотную подошел к признанию необходимости отношений к Богу. Вся его поэзия есть не что иное, как предстояние перед лицом вечности, перед ликом Божества. Не только такие стихотворения, как "Не тем, Господь, могуч, непостижим...", но и "Я потрясен, когда кругом...", "Моего тот безумства желал...", на первый взгляд совершенно далекие от религиозной проблематики, не могут быть правильно поняты и оценены вне этого глубоко интимного отношения поэта к Богу. "Высшая, разумная, по-своему,- для меня непостижимая воля, с непостижимым началом и самодержанием,- писал А.Фет,- ближе моему человеческому уму, противящемуся пантеистическим фразам без всякого содержания". Поэзия Фета и есть нескончаемый диалог с этой высшей, разумной волей, приобретающей статус Божества,- диалог, равного которому по его экзатичности,

силе и мощи, наверное, не найти во всей русской поэзии второй половины XIX века.

М.Н.Катаргина

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ КУНГУРСКОЙ ЛЕТОПИСИ

"Летопись Сибирская краткая Кунгурская" представляет собой интересное явление в региональной литературе. Текст этой летописи до сих пор существует лишь в единственном списке в отрывках в составе "Истории Сибирской" Семёна Ремезова.

Краткий Кунгурский летописец был обнаружен, как предполагают исследователи, С.У.Ремезовым в Кунгуре примерно в 1703 году. Позже статьи из этой летописи известный сибирский историк включил в свою "Историю".

Следует отметить, что Кунгурский летописец был известен не только Ремезову. Так, многие исследователи отмечают, что некоторые рассказы этого летописца были использованы ссыльным политическим деятелем и писателем Юрием Крижаничем (70-е годы XVII века) в "Повествовании о Сибири" (1681).

В науке существует версия о том, что в середине XVII века наличествовала или сама рукопись, или какая-то копия ее (см.: Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т.1, разд.1. С.74). Так, рассказы о походе Ермака на Сылву, написанные главноуправляющим строгановскими именьями П.Икосовым, соответствуют двум первым статьям Кунгурского летописца. По мнению исследователя А.И.Андреева, П.Икосов и С.Ремезов в своих трудах использовали этот источник (Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып.1: XVII век. М.; Л., 1960. С.257).

Основой Кунгурской летописи является так называемая "устная летопись", легенды и предания, бытовавшие в Сибири и на Урале в 20 - 40-е годы XVII века. Литературоведы предполагают, что эта летопись связана с устными казачьими повестями, включавшими в себя рассказы участников похода Ермака и те произведения, которые сохранились в устном народном творчестве.